

МАССОВЫЕ РЕПРЕССИИ В МАССР И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ РЕСПУБЛИКИ

Людмила БУРМЕНКО

Тираспольский государственный университет

Рассматриваются некоторые аспекты массовых репрессий 1937-1938 годов в МАССР. Анализируются оперативные приказы НКВД СССР № 00447 и 00487, ставшие формальным обоснованием террора. В исследовании представлены фактические материалы, подтверждающие мнение автора об избирательности тоталитарного террора в отношении интеллигенции. Показана вся трагичность положения интеллигенции, к которой власть относилась как к неблагонадежному элементу общества, а потому преследовала в ходе любой карательной кампании. В итоге за счет интеллигенции тоталитаризм регулярно расширял круг репрессированных граждан.

Ключевые слова: тоталитаризм, массовые репрессии, террор, интеллигенция, антисоветский элемент, карательные меры.

REPRIMĂRILE ÎN MASĂ ÎN RASSM ȘI CONSECINȚELE LOR PENTRU INTELECTUALITATEA REPUBLICII

Sunt abordate unele aspecte ale represiunilor în masă din anii 1937-1938 în RASSM. Autorul face o analiză a ordinelor operative nr.00447 și 00487 ale NCVD, devenite un argument formal al terorului. Sunt prezentate materiale faprice, care confirmă părerea autorului despre caracterul selectiv al terorului totalitar față de intelectualitate. Este prezentată situația cu adevărat tragică a intelectualității, considerată de autorități un element dușmanos (care nu inspiră încredere) al societății, pentru care fapt și era prigonită în timpul oricărei campanii de reprimare. Ca rezultat, regimul totalitar regulat majora numărul reprimărilor din contul intelectualilor.

Cuvinte-cheie: totalitarism, reprimări în masă, teror, intelectualitate, element antisovietic, ordine operative.

MASS REPRESSIONS IN MASSR AND THEIR IMPLICATIONS FOR THE INTELLIGENTSIA OF THE REPUBLIC

This article considers with some aspects of the mass repressions implementation of 1937-1938 in MASSR. The author analyses the NKVD operational orders № 00447 and 00487 which became formal justification for terror. The study presents actual materials which confirm the author's opinion about intelligentsia position selectivity. Intelligentsia was treated by the government an unreliable social element and was per sued by it in the course of any punitive company. As a result, due to the totalitarian regime intellectuals regularly expended the number of repressed citizens.

Keywords: totalitarism, the mass repressions, terror, intelligentsia, antisovietic element, the operational orders.

В историографии вопрос о причинах «Большого террора» (или «Большой чистки») по-прежнему актуален. Какова была цель репрессий? Существует несколько предположений, среди них – намерения Сталина ликвидировать саму возможность противодействия его внутренней политике во всех слоях общества: от партийной и советской элиты до рядовых граждан, а также предотвращение возникновения «пятой» колонны в стране в случае войны. Развертыванию кампании террора 1937-1938 гг. предшествовали открытые политические процессы 1935-1936 гг., которые должны были продемонстрировать обществу реальных врагов, боровшихся с системой изнутри и сотрудничавших с внешним врагом.

В Докладе на февральско-мартовском Пленуме 1937 г. Сталин предлагал: «Необходимо разъяснить нашим партийным товарищам, что троцкисты, представляющие активные элементы диверсионно-вредительской и шпионской работы иностранных разведывательных органов, давно уже перестали быть политическим течением в рабочем классе, что они давно уже перестали служить какой-либо идее, совместимой с интересами рабочего класса, что они превратились в беспринципную и безыдейную банду вредителей, диверсантов, шпионов, убийц, работающих по найму у иностранных разведывательных органов. Разъяснить, что в борьбе с современным троцкизмом нужны теперь не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчевывания и разгрома... Надо иметь в виду, что остатки разбитых классов в СССР одиноки. Они имеют прямую поддержку со стороны наших врагов за пределами СССР. Ошибочно было бы думать, что сфера классовой борьбы ограничена пределами СССР. Если один конец классовой борьбы имеет свое действие в рамках СССР, то другой ее конец протягивается в пределы окружающих нас буржуазных государств. Об этом не могут

не знать остатки разбитых классов. И именно потому, что они об этом знают, они будут и впредь продолжать свои отчаянные вылазки. Так учит нас история. Так учит нас ленинизм. Необходимо помнить все это и быть начеку» [18].

После подобных рекомендаций партийным организациям необходимо было реагировать, и, само собой, они не стали организовывать политические курсы для рядовых партийцев, чтобы помочь им отличить врагов от заблуждающихся или обманутых. Наученные опытом открытых политических процессов, они начали изыскивать «двурушников», «вредителей», «шпионов» и «диверсантов» в своих рядах.

12-17 мая 1937 г. состоялась X Молдавская областная партконференция, на которой в основном докладе прозвучало: «Гнилая и вредная теория о потухании у нас классово-борьбы... пустила у нас в Молдавии глубокие корни. Между тем, за последний период органами НКВД вскрыт ряд диверсионных и шпионских актов со стороны агентуры иностранных разведок... Вспомните спор между так называемыми самобытниками... и румынизаторами... Наши люди спорили, а агентура буржуазной Румынии делала свой вражеское дело, они тормозили процесс развития молдавской культуры... Наша партийная организация разоблачила этих буржуазных националистов, разгромила их. Однако не справилась с последующей задачей. Не разгромила этой враждебной и опасной теории, что местные молдаване не могут строить свою советскую национальную культуру без импортированных кадров, не взяла поэтому процесса строительства молдавской культуры в свои руки. Не вырастила своих кадров, не взяла в свои руки литературный фронт, не взялась по настоящему за строительство языка, за латинизацию» [4, 84-89]. Это было началом разработки кампании по преследованию «националистов». Среди первых действий – решение ЦК КП(б)У освободить Г.И. Старого и отозвать из МАССР. Арестованный 22 июня 1937 г., Г.И. Старый выдержал 10 дней допросов, прежде чем начал давать показания.

В докладе Н.И. Ежова на пленуме ЦК ВКП(б) 23 июня 1937 г. утверждалось, что «существует за-конспирированное подполье, страна находится на грани новой гражданской войны, и только органы государственной безопасности под мудрым руководством И.В. Сталина способны ее предотвратить». Через несколько недель началась подготовка оперативного приказа № 00447 от 30 июля 1937 г., который после ряда доработок получил название – *Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов*.

Репрессируемые разбивались на 2 категории: наиболее враждебные подлежали немедленному аресту (дела их рассматривали «тройки» и расстрельный приговор был predetermined); остальные подлежали аресту и заключению в лагеря на 8 и 10 лет; наиболее злостные направлялись на такие же сроки в тюрьмы.

Первоначально приказ был направлен против кулаков и уголовников, но постепенно рамки репрессируемого контингента расширились, что не могло не сказаться на планируемых цифрах. Власти на местах должны были представить, говоря современным языком, базовые данные об учетных «враждебных» элементах и о составе «троек». В течение 3-7 июля начали поступать первые сведения. Шифротелеграмма секретаря Молдобкома Тодреса в ЦК ВКП(б) была отправлена 11 июля 1937 г.

На основании представленной информации, *Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) (протокол заседания 51, пункт 212) об утверждении троек и лимитов репрессированных* от 11 июля 1937 года, по МАССР «тройка» утверждена в составе «т.т. Тодреса, Корнева, Коллодий», а лимит – «к расстрелу 11 чел. И высылке 248 чел.» [28, 85]. По данным, которые приводятся в коллективном исследовании *Через трупы врагов на благо народа*, «примерно 30% шифротелеграмм, поступивших в ЦК, содержали ходатайство региональных партийных руководителей подвергнуть репрессиям, наряду с кулаками и уголовниками, **другие слои населения, отмеченные печатью враждебности**» [выделено нами – Л.Б.]. Авторы исследования считают, что «желание регионов вовлечь и другие целевые группы в крупную акцию общесоюзного масштаба обосновывалось на коалиции интересов регионов и московского центра» (*Через трупы врагов...* Т1 [28, 31]).

У всех, кто попадал под расширение списка, определенного властью, было прошлое, а это облегчало и упрощало для местных карательных органов процесс преследования. Напомним, что в МАССР преобладало крестьянское население, для которого была характерна естественная тяга к религиозным общинам (несмотря на все усилия власти сократить их влияние и в городе, и в селе: запреты благотворительной, просветительской деятельности, создания касс взаимопомощи и т.д.). Кроме того, по данным Молдобкома за 1925 г., среди учителей духовенство составляло 4% [5, 3].

Это ставило духовенство в первые ряды потенциально опасных элементов для системы. Тем более, что по результатам проведенной в январе 1937 г. переписи населения СССР, 56,7% респондентов признали себя верующими, «ни одна возрастная группа среди грамотных и неграмотных не дала 100% верующих или неверующих. И у мужчин, и у женщин показатель религиозности с возрастом увеличивался...» [10, 102]. Учитывая, что по разным причинам не все были искренни в ответах, процент верующих мог быть и бóльшим. Итак, несмотря на все усилия власти, было очевидно, что преодолеть религиозность населения не удавалось. Хотя в МАССР властями сделано было немало: «до 1931 г. в автономии были закрыты 26 храмов и молитвенных домов, в 1932 г. – 6, в 1933 г. – 10, в 1934 г. – 20, в 1935 г. – 134, в 1936 г. – 70... По данным НКВД МАССР, из 248 священников, имевшихся в автономии летом 1925 г., к апрелю 1936 г. осталось всего 18. Общее число служителей культа составляло 73 человека» [27, 203]. Еще в марте 1937 г. по циркуляру из Москвы была проведена оперативная и агентурная работа по сбору материалов о деятельности религиозных общин, которая фактически подготовила решение «о включении духовенства в контингент, подлежащий репрессиям» [28, 32]. Нужно особо подчеркнуть, что преследованиям подвергались не только священнослужители традиционной православной церкви, но и те служители культа и их паства, что оказались в оппозиции и к власти, и к официальной линии церкви (баптисты, старообрядцы и др.).

В ряду тех, кто также попадал в ряды дополнительно репрессируемых, были и бывшие белые офицеры (кулацкого, разумеется, происхождения). Характерно дело Сушкевича П.П., офицера старой армии, которому удалось дважды избежать ссылки, как указано в материалах следствия, «благодаря родственным связям в сельсовете». Вернувшись в 1935 г. домой, в с. Рашково, он стал работать учителем в сельской школе и «проводил агитацию против... мероприятий Советской власти на селе... группировал вокруг себя отсталую часть колхозников... проводил среди учительства контрреволюционную работу». Согласно решению «особой тройки», по протоколу № 4 от 10 сентября 1937 г. приговорен к расстрелу [3, 24].

31 июля 1937 г. оперативный приказ № 00447 был одобрен Политбюро и в тот же день разослан по регионам. Было решено начать операцию 5 и 15 августа, завершить ее планировалось через 4 месяца. На оперативные расходы НКВД должно было быть выделено 75 миллионов рублей, из которых 25 миллионов – на железнодорожный тариф. Всех приговоренных к заключению в лагеря было постановлено использовать: «а) на ведущихся сейчас строительствах ГУЛАГа НКВД; б) на строительстве новых лагерей в глубинных пунктах Казахстана; в) для постройки новых лагерей, специально организуемых для лесозаготовительных работ силами осужденных». Госплану СССР, ГУЛАГу НКВД, Наркомлесу было поручено в 20-дневный срок подготовить для будущих осужденных план лесозаготовительных работ(!) [3, 118-119]. Оперативным приказом перед органами государственной безопасности ставилась задача: «самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства».

В разделе I приказа был существенно расширен контингент подлежащих репрессиям лиц. Первые 3 пункта содержали различные категории «бывших кулаков», 7 и 8 посвящены уголовникам, ведущим преступную деятельность, находясь на свободе или в заключении. Для нашего исследования особенно важны 4, 5 и 9 пункты:

«4. Члены антисоветских партий (эсеры, грузмеки, муссаватисты, иттихадисты и дашнаки), бывшие белые, жандармы, чиновники, каратели, бандиты, бандопособники, переправщики, реэмигранты, скрывшиеся от репрессий, бежавшие из мест заключения и продолжающие вести активную антисоветскую деятельность».

Если просмотреть опубликованные материалы следственных дел, то в МАССР под эту категорию подходили люди самых разных социальных групп, и не в последнюю очередь интеллигенция. Например, Урсул С.И. (бывший эсер, в прошлом депутат Ананьевской городской управы – расстрелян) [3, 292]; Долгополов А.Ф. (бывший эсер, преподаватель экономической географии в Балтском педтехникуме – расстрелян) [3, 560]; Кравченко П.П. (эмигрант из Бессарабии, служил начальником погранпоста, пытался официально вернуться в Румынию – расстрелян) [3, 292]; Горошко С.Д. (бывший капитан царской и белой армий – расстрелян) [3, 33].

«5. Изобличенные следственными и проверенными агентурными материалами наиболее враждебные и активные участники ликвидируемых сейчас казачье-белогвардейских повстанческих организаций, фашистских, террористических и шпионско-диверсионных контрреволюционных формирований».

Репрессированию подлежат также элементы этой категории, содержащиеся в данное время под стражей, следствие по делам которых закончено, но дела еще судебными органами не рассмотрены».

В мае 1937 г. были освобождены от должностей, затем исключены из партии и арестованы Старый Г.И. (Председатель СНК МАССР), Воронович Е.П. (Председатель ЦИК МАССР), Мороз Д.А. (Нарком земледелия МАССР), Скульский Д.Г. (Нарком юстиции) и другие. В момент исполнения приказа их допросы велись интенсивно: «На допросе 30 июня 1937 г. Старый отрицал свою связь с румынской разведкой, через месяц – показал, что был завербован...» [13, 53-54].

«9. Репрессии подлежат все перечисленные выше контингенты, находящиеся в данный момент в деревне – в колхозах, совхозах, сельскохозяйственных предприятиях, и в городе – на промышленных и торговых предприятиях, транспорте, в советских учреждениях и на строительстве».

Этот пункт «развязывал руки», позволял распространять зону поиска врагов народа и наращивать количественные показатели, не ограничиваясь ни должностью, ни социальным происхождением, ни сферой деятельности. Более того, последовавший за приказом № 00447 приказ № 00485 еще больше расширил эти границы за счет национальной принадлежности жертв.

В разделе II приказа № 00447 утверждалось количество подлежащих репрессии, причем оговаривалось, что «утвержденные цифры являются ориентировочными. Однако наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД не имеют права самостоятельно их превышать. Какие бы то ни было самостоятельные увеличения цифр не допускаются.

В случаях, когда обстановка будет требовать увеличения утвержденных цифр, наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД обязаны представлять мне соответствующие мотивированные ходатайства.

Уменьшение цифр, а равно и перевод лиц, намеченных к репрессированию по первой категории — во вторую категорию и наоборот — разрешается [выделено мной – Л.Б.].

В соответствии с тем, что оперативный приказ распространялся и на «другие антисоветские элементы», цифры в нем для всех республик (и МАССР) были уже другими. Хотя, по результатам исследования авторами *Через трупы врага на благо народа*, утверждается факт, что по многим регионам цифры были даже сокращены: «...в ходе подготовки операции в 59 республиках, краях и областях были зарегистрированы 263 076 чел. «бывших кулаков и уголовников», из которых 81 514 чел. были отнесены к первой и 181 562 чел. – ко второй категории. Согласно же приказу № 00447, количество репрессируемых по первой категории составляло 59 200 чел., по второй – 174 500 чел., а общее количество подлежащих репрессии составляло 233 700 чел. Это означает, что в соответствии с приказом № 00447 количество репрессируемых по первой категории сократилось на 22 314 чел., по второй категории, соответственно, – на 7 062 чел., а всего на 29 376 чел.» [28, 42]. Опираясь на собранные в вышеуказанном научном труде данные, приведем составленную нами сравнительную таблицу по УССР и МАССР, с целью показать, что несмотря на имевшееся незначительное сокращение общих цифр по категориям, в УССР и в МАССР число репрессированных по первой категории возросло.

Сравнительная таблица по статистическим данным шифротелеграмм региональных партийных руководителей УССР и МАССР и оперативного приказа № 00447

УССР	Начальные цифры с мест (июль 1937 г.)			По приказу № 00447			Разница		
	1 кат.	2 кат.	Всего	1 кат.	2 кат.	Всего	1 кат.	2 кат.	Всего
1. Харьковская область	2000	4000	6000	1500	4000	5500	-500	-	-500
2. Киевская область	1095	5521	6616	2000	3500	5500	+905	-2021	-1116
3. Винницкая область	479	2999	3478	1000	3000	4000	+521	+1	+522
4. Донецкая область	466	1355	1821	1000	3000	4000	+534	+1645	+2179
5. Одесская область	886	1069	1955	1000	3500	4500	+114	+2431	+2545
6. Днепропетров. область	2500	3000	5500	1000	2000	3000	-1500	-1000	-2500
7. Черниговская область	244	1379	1623	300	1300	1600	+56	-79	-23
МАССР	11	248	259	200	500	700	+189	+252	+441
Итого	7681	19571	27252	8000	20800	28800	+319	+1229	+1548

Только в МАССР произошло увеличение по первой категории на 189 человек, по второй – на 252 человека. В целом по УССР просчитывается результат, по которому существенные изменения в сторону уменьшения по обеим категориям (особенно в Харьковской, Киевской, Днепропетровской областях), в общем по республике, не давали сокращения репрессируемых. В дальнейшем лимиты по УССР и МАССР сохраняли тенденцию к росту и не только по инициативе «снизу», хотя мы не будем отрицать установленных фактов почти маниакального желания украинского руководства выделиться в ряду других республик.

В ответ на директиву Ежова закончить операцию к 10 декабря (по истечении положенных 4 месяцев) Нарком внутренних дел Украины в тот же день телеграфировал в Москву: «Я сообщаю, что установленный Вами в соответствии с приказом № 00447 лимит для Украины, а именно 24.150 чел. по первой категории и 47.800 чел. по второй, исчерпан. Ссылаясь на Вашу телеграмму № 50194, прошу Вас дополнительно предоставить лимит в 6 тыс. чел. по первой категории и 10 тыс. по второй для всех областных управлений НКВД Украины». 17 декабря руководство НКВД одобрило смертельную квоту [30, 151].

В IV разделе приказа № 00447 определялся порядок ведения следствия, в котором указывалось, что «следствие проводится ускоренно и в упрощенном порядке. В процессе следствия должны быть выявлены все преступные связи арестованного» [17]. Таким образом, карательным органам давалась практическая установка на максимальное расширение круга репрессируемых за счет родственников, друзей, сослуживцев и даже случайных знакомых.

1 августа 1937 г. вышел приказ НКВД СССР № 00485 о проведении «польской» операции. Людей арестовывали по специальным оперативным листам и спискам-протоколам. Принципиальным отличием было то, что при отборе контингента репрессируемых людей значение имели уже не социальное происхождение или политическое прошлое, а факт пребывания в стране «потенциального врага», родственные связи или любые контакты с ним. Началась борьба и против «пятой колонны». В УССР и МАССР, имевших общие границы с Польшей и Румынией, она была особенно жесткой.

31 января 1938 года Постановлением ЦК ВКП(б) НКВД было разрешено продолжить национальные операции «...по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, финн, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын, как иностранно-поданных, так и советских граждан, согласно существующих приказов НКВД СССР. 2. Оставить до 15 апреля существующий внесудебный порядок рассмотрения дел арестованных по этим операциям людей вне зависимости от их подданства» (Постановление 1938). Любой гражданин мог оказаться завербованным агентом, особенно если оказывался в связи с уже разоблаченным врагом. Например, Андроникова А.П., служившего на Рыбницких каменных разработках, (согласно протоколу № 28 от 25 ноября 1937 г.) постановлено расстрелять: как чуждого по социальному происхождению (сын помещика, служителя религиозного культа); как политического врага (исключенный из партии троцкист); как «близкого друга агента рум. разведки Старого» [3, 468]. Судя по упомянутому протоколу, в Рыбнице, благодаря рекомендованному выявлению «всех преступных связей», была вскрыта «шпионская сеть» среди служащих. Помимо Андроникова А.П., в нее входил председатель колхоза Балан Х.А. («имел тесную связь» с осужденными по первой категории «БОРИСОВЫМ, КИОРОМ, ПАСКАРЕМ»); Вакарчук С.И. («будучи на Советской руководящей работе... выдавал ложные справки, скрывал соц.происхождение кулаков, занимался вредительством», «был тесно связан с осужденными по первой категории ВОРОНОВИЧЕМ и ПАСКАРЕМ», «имел связь с агентом рум. разведки СТРАТОНОВЫМ, сообщал ему шпионские сведения»).

Здесь не было столь тщательной подготовки, как по проведению предыдущего приказа. Под подозрение попадали политэмигранты, реэмигранты и перебежчики, красноармейцы, побывавшие в плену. Для ареста было достаточно пересечь легально границу, побывав в служебной поездке. В воспоминаниях дочери Хрипливого В.И. (бывшего на разных витках карьеры в МАССР наркомом просвещения, завотделом Молдобкома и ректором Молдплодоовощинститута), он очень не хотел выезжать в зарубежную командировку, поскольку «многих побывавших за границей арестовывали» [19, 2]. А у Христоудло-Финити Б.Д. (первого председателя колхоза «Красный интенсивник») в Измаиле и Кишиневе жили близкие родственники, которые смогли даже переслать ему наследственную долю за родительский дом. Деньги были потрачены на покупку первого в районе автомобиля «Форд» для колхоза (правда, потом на нем ездило партийное руководство Григориопольского района) [17,1].

По Докладной записке заместителя наркома НКВД СССР Бельского о репрессиях на Украине, по состоянию на 25 августа 1937 года арестовано 14 200 человек, «причем в эту цифру не входят арестованные по кулакам». Было арестовано «по польской контрреволюции и шпионажу» 5103 человека, «по антисоветской националистической контрреволюции 157, по немецкому шпионажу 1360, по румынскому шпионажу 751, по антисоветским троцкистским и правым организациям 2600, по военному заговору 391». «По румынам приступили несколько дней тому назад. Сознавшихся в румынском шпионаже 35 человек. Арестованные Криворуков, бывший директор Укрсадовинтреста, Киор – бывш. Секретарь РПК в Рыбнице, Престеско – бывш. Директор пединститута – сознались, что они завербованы румынской сигуранцей и по ее заданию проводили шпионскую работу, а также создали националистическую организацию, возглавлявшуюся агентом румынской сигуранцы с 1918 года бывш[им] пред[седателем] Совнаркома МАССР Старым. Ликвидированы шпионские группы в Тирасполе, Каменке, Рыбнице...» [27, 166, 169].

В Резолюции о разоблачении буржуазно-националистической и контрреволюционной организации на Молдавии V пленума Тираспольского городского комитета ВКП(б)У (17-18 сентября 1937 г.) говорилось: «Пленум Горкома считает установленным, что вскрытая органами НКВД буржуазно-националистическая контрреволюционная организация на Молдавии (Старый, Голуб, Престеско, Балух, Груман, Осадчий и друг.) проводила свою диверсионную и шпионскую работу по заданию румынской охранки в блоке с украинскими националистами и троцкистско-бухаринскими фашистскими агентами, пытаясь отторгнуть Советскую Молдавию от Советской Украины и от Союза Советских Социалистических Республик.

Особо засоренный буржуазно-националистическими и троцкистско-бухаринскими предателями был фронт национально-культурного строительства. Разоблаченная буржуазно-националистическая организация на Молдавии, прикрываясь вредительской теорией об отсутствии Молдавских большевистских кадров, насаждала шпионов, перебрасываемых румынской охранкой по маркой «политэмигрантов» земляков на важнейшие участки национально-культурного фронта (Госиздат, Научный Комитет, Радиокомитет, газета «Молдова сочиалистэ» и друг.), создавая в них гнезда для проведения контрреволюционной работы... Пленум ... признает свою грубейшую политическую ошибку, выразившуюся в том, что он не принял всех необходимых большевистских мер к своевременному разоблачению врагов народа, оказавшихся в составе Пленума Горкома Годрес, Голуб, Старый, Крестьяншин, Михайленко, кои разоблачены органами НКВД» [2, 291-292].

Докладная записка о состоянии оперативно-следственной работы НКВД МАССР сообщала, что на 5 октября 1937 года общее количество арестованных составило 2 036 человек, которые «распределяются следующим образом:

Румынский шпионаж 1689 чел.
 Польский шпионаж 168 –«-
 Немецкий шпионаж 132 –«-
 Троцкисты 21*–«-
 Правые 11*–«-
 Большевики 9*–«-
 Эсеры 15*–«-
 Украинские националисты 22 –«-
 Церковники и сектанты 16 –«-
 Сельская к/р 47 –«-
 Военнослужащие и окружение 45 –«-

ПРИМЕЧАНИЕ: В том числе арестованные по националистической к/р, шпионской, повстанческой организации в Молдавии и по операции.

Операцию продолжаем за счет дальнейшего использования оставшихся агентурно-оперативных материалов (архивы) и получаемых показаний от арестованных... **Усилием следственной работы количество сознавшихся арестованных увеличилось до 18,2% к общему числу арестованных... Считаем, что процент сознавшихся еще далеко недостаточен и делаем отсюда соответствующие выводы. Имеется значительно количество арестованных, ни разу не допрошенных...** [выделено нами – Л.Б.]

Кроме того по операции по кулачеству, уголовному и к/р элементу всего арестовано 727 чел., из них: Кулаков 321 чел.

К/р элемента 165 —«-

Уголовников 241 —«-

Осуждено Тройкой всего 591 чел.

По I-й категории 206 чел.

По II-й категории 385 —«-

Намечено к аресту по кулачеству 158 чел.

...Всего по контингентам вскрыто 66 групповых дел, охватывающих всего 720 арестованных. Из них созналось 262 чел.

Особое внимание было уделено развороту следствия по делу к/р националистической, шпионско-повстанческой организации (дело «ЛИТЕРАТОРЫ»)... Вся повстанческая деятельность в Молдавии проводилась в полном контакте с украинскими националистами...» [28, 522-524]. «Бездушная машина, перемалывающая своими зубьями судьбы целых поколений, проглотила мастеров художественного слова, стоявших у истоков молдавской советской литературы: Н.Кабака, Д.Милева, Н.Маркова, Ф.Малая, С.Лехтцира...» [13, 64]. В Деле № 130309 Малая Ф.К., арестованного 17 июля 1938 г, говорилось, что еще с 1927 г. он был вовлечен в молдавскую националистическую контрреволюционную организацию Д.Милевым. По указаниям Милева (буржуазного националиста и агента румынской разведки), он проводил активную шпионскую деятельность, организовывал акты саботажа в области языка и литературы (вводил в молдавский язык румынские термины и обороты). Как и все участники организации, писал контрреволюционные произведения, в которых восхвалял врагов народа. Вину признал. Протокол № 16 от 8 октября 1938 г. содержит решение – «расстрелять» (Д.П. Милев был расстрелян за год до этого, 18 октября 1937 г.) [1, 435]. Н.Кабак по обвинительному заключению, «будучи еще студентом Молдавского пединститута с 1931 г. являлся участником контрреволюционной националистической группировки, возглавлявшейся ныне расстрелянными членами контрреволюционной организации Кафтантием и Марковым... был связан и посещал ныне арестованных членов контрреволюционной националистической организации, агентов румынской разведки Милева и Василенко. Находился в близкой связи с осужденным в 1936 г. за контрреволюционную деятельность участником контрреволюционной группировки Дойбаном». Последним в деле был подшитый 17 ноября 1937 г. документ, который гласил: «Приговор НКВД СССР по протоколу № 33 (по румынской операции) в отношении осужденного к ВМН – расстрелу Кабака Н.П. Приведен в исполнение 16.XI.1937» [7, 75]. Я.Дойбань по праву считался одним из самых талантливых поэтов республики, в 1935 г. был призван в армию, стал курсантом командирской школы в г. Киеве. Был арестован за антисоветскую агитацию и приговорен 30 мая 1937 г. к 10 годам ИТЛ и 5 годам поражения в правах [16, 102]. Поэт выжил, вернулся в родные места, но односельчане вспоминали, что он уже был совсем другим и походил на «призрак»: истощенный, дряхлый, «с испугом в глазах» [13, 72-73].

В ходе национальных операций страшный удар был нанесен сельскому учительству. В селе Бутор осенью 1937 г. «за несколько ночей были взяты учителя Ф.Д. Диордиев, П.И. Переверзев, С.П. Гинкулов». В течение мая-июля 1937 г. в с. Перерыта было арестовано 270 человек, в том числе молодые учителя Н.Писарь, С.Лапшин и агроном Н.И. Бошканян (ему из-за недостатка педагогических кадров пришлось побывать учителем математики и директором школы). В декабре 1937 г. пришел черед Б.Д. Христодуло-Финити, который работал в Григориопольской школе № 1 с 1934 г. Его взяли вслед за директором школы, арестованным накануне ночью: «пришли в дом два с винтовками и предъявили ордер... переписки с заграницей и оружия не нашли, а отца забрали. Это было 17 декабря...». Семью выселили из дома (они жили до того в школьном здании). Старшая дочь, Антонина, была исключена из комсомола из-за отца – «врага народа», но проявила такую волю и настойчивость, что в 1938 г. была восстановлена, поскольку вождем было сказано: «Сын за отца не отвечает» [20, 2, 3]. Младшая дочь сумела закончить педучилище, а затем филологический факультет. Она всегда помнила об отце и написала стихи, посвященные памяти о трагедии своей семьи:

Семья «врага народа» нас ругали...

Нас сторонились все – упрек! Упрек!

А мама говорила: «Это Сталин

Сгубил отца, страну не уберег!» [21, 1].

В болгарском селе Парканы были арестованы учителя М.Г. Стоянов, П.И. Киосев и В.М. Мильчевский (им напомнили о забастовке), И.А. Карионов, А.И. Проданов, Г.Ф. Инсаров-Дерменжи. Учитель Парканской школы №1 Г.Ф. Инсаров-Дерменжи (выходец из Бессарабии) как ищущий педагог хотел создать в своей школе класс «выравнивания», чтобы подтянуть неуспевающих. С точки зрения партийных властей, он «комплектовал 5-й класс «В» из отстающих учеников, что давало тридцать процентов неуспеваемости» [6, 149].

Первая половина 1938 года была исключительно кровавым периодом для Украины, а следовательно – и для МАССР. По мнению специалистов, основанном на скрупулезной статистике НКВД УССР этого периода, «высшая мера наказания внезапно стала применяться сверхпропорционально. С 1 января 1938 г. по 1 августа 1938 г. «тройки» на Украине осудили, включая также «молдавскую тройку», 36.393 чел., из них 35.563 чел. – к смерти и только 830 – к лагерному заключению. Доля смертных приговоров в 1938 г. составила 98 %, далеко оставив позади показатели 1937 г. с его «только» 39% [30, 278].

В феврале 1938 года, выступая в Киеве перед начальниками областных управлений НКВД УССР и МАССР, нарком Ежов объявил, что массовые операции выходят на новый этап. Этот этап должны были отличать три момента:

- качество следствия;
- перенесение центра тяжести операции на города, промышленность, транспорт, приграничные районы;
- концентрирование удара на иных целевых группах – националистах, бывших членах царских карательных органов, сторонниках других социалистических партий и групп, противниках большевиков в гражданской войне, кулаках-повстанцах, членах религиозных общин.

Кандидатов на арест было рекомендовано отбирать исходя из их «социального клейма» (прежние судимости, социальное и политическое прошлое) и индивидуального поведения. О кулаках, а тем более об уголовниках, речь практически уже не шла. Вообще, в это время Центр начал отказывать регионам в увеличении лимитов в осуществлении «кулацкой операции» (исключение составила УССР, которой предоставили не только лимит в 30 000 человек, но и разрешили самостоятельно определять категории для жертв). С этого момента репрессии были нацелены на тех, кто, по мнению режима, мог стать опорой угрозы извне. Таким образом, карательные органы были сосредоточены на «национальных операциях», в которых главным было уже не количество арестованных, а качество, «строго дифференцированный, индивидуальный подход» [30, 279].

Согласно сведениям органов УГБ НКВД УССР о количестве контрреволюционных элементов, на 1 февраля 1938 г. в МАССР на оперативном учете состояло:

Меньшевики – 3 чел.

Эсеры – 18 чел.

Украинские контрреволюционные политические партии – 150 чел.

Сельская контрреволюция – 462 чел.

Прочий антисоветский элемент – 148 чел.

Польская контрреволюция и шпионаж – 54 чел.

Румынская контрреволюция и шпионаж – 96 чел.

Немецкая контрреволюция и шпионаж – 95 чел.

Разная контрреволюция и шпионаж – 17 чел.

Диверсии и вредительство – 35 чел. [29, 53-55].

По сведениям о национальном составе арестованных с 1 января по 1 августа 1938 года, представленным начальником 1-го спецотдела УГБ НКВД УССР А.Г. Назаренко, в МАССР аресту подвергались 3374 человека, среди которых:

1194 – украинца

776 – молдаван

444 – русских

330 – евреев

318 – немцев

138 – поляков

109 – болгар
 20 – румын
 14 – чехов
 9 – прочих
 8 – белорусов
 7 – латышей
 4 – армянина
 3 – грека [29, 142].

В ходе национальной операции упор делался на поиск организованных враждебных сил, на «групповые дела». Одним из них было сфабрикованное дело о контрреволюционной болгарской националистической повстанческо-террористической организации, занимавшейся вредительством, контрреволюционной агитацией и «активной» подготовкой убийства Г.Димитрова. Следователь Маглеванный заявил на суде в 1939 г., что получил задание «подготовить операцию на 500 человек по болгарам». Однако, по признанию самого следователя, несмотря на то, что «все состоявшие на учете уже арестованы», руководство в лице Ривлина и Зинько настаивало на «увеличении дела». Было арестовано около 90 человек, «т.к. больше не имелось материалов» [8, 7]. Кроме «малограмотных» (как указано в деле) колхозников, в их числе были: счетовод Радулов К.В.; табельщик Владов М.М.; инспектор Тираспольского городского Совета Владов И.Я. (беспартийный, грамотный); помощник начальника почтового отделения Николаев А.М. (бывший член партии); секретарь Парканского сельского Совета Степанов К.С. Все они – выдвиженцы, те самые «необходимые кадры», на возвращение и образование которых так затрачивалась система.

В *Заключении* об этом «болгарском деле» сказано, что «из материалов дела видно, что... обвинение было построено на противоречивых и сомнительных показаниях самих арестованных, без каких-либо других убедительных доказательств». Следователь Власов привел пример: «...ВЛАДОВ Иван Павлович на следствии показал, что его односельчанин ДИВОВ Тимофей Михайлович вербовал его в шпионскую группу в присутствии агента сигуранцы ГРАДИНАР Григория Степановича, при просмотре архивно-следственного дела № 25438 установлено, что ВЛАДОВ И.П. по показаниям ГРАДИНАР Г.П. и ДИВОВА Т.М. не проходил...» [8, 5]. Следователям было достаточно признания арестованных, а необходимости в подтверждении уже не было, ведь «признание стало царицей доказательств» в период Большого террора. Не то, что доказательную базу собирать, не всегда у следователей время на допрос находилось. Мы уже говорили о судьбе священника, допрошенного 1 раз. В Тираспольской тюрьме люди в переполненных камерах ждали допроса месяцами. Так, арестованные по «болгарскому делу» 1 марта 1938 г. ждали допроса более трех месяцев, а один из них, Диордиев С.Д., «содержался в тюрьме около года без допроса и в апреле 1939 г. был из-под стражи освобожден». Мокан Ф.И., бухгалтер, выдвиженец, был арестован 2 марта, вслед за отцом Моканом И.А. Свидетель, которому удалось выйти из-под стражи, показал, что отец и сын «говорили ему, что они не знают, за что они арестованы. Возвращаясь с допросов, МОКАН Филипп в камере жаловался, что следователь МАГЛЕВАННЫЙ бил его, а МОКАН Илья Андреевич после одного из допросов со слезами на глазах заявил: «...Я не могу больше переносить и дал вымышленные показания...». В показаниях свидетелей упоминается и учитель Инсаров-Дерменжи, оказавшийся в одной камере с Добровым Н.Г. (бывшим чекистом). Доброва допрашивали в течение года иногда по 7 раз в сутки, в его камере перебивало много разных людей «По заявлению ДОБРОВА, ИНСАРОВ-ДЕРМЕНЖИ был обессилен побоями, и на голове его образовалась рана...» [8, 6]. Учителя били регулярно, вся его голова была «в шрамах от ударов рукояткой пистолета» [6, 149]. В конце концов, его приговорили к 10 годам высылки с правом переписки.

Слухи о жестокости следователей проникали сквозь стены Тираспольской тюрьмы. Среди тех, кому удавалось чудом выйти на свободу, находились те, кто передавал родным и близким последние слова и просьбы арестованных. Дочь В.И. Хрипливого вспоминала, как к ним зашел человек, сидевший в одной камере с отцом: «он... зашел по просьбе отца к нам. Руки у него были забинтованы... Обо всем он рассказывал с большой опаской, так как подписал документы о неразглашении... Помню, по вечерам и ночью по городу разъезжал «черный ворон», забирали людей. Люди ходили подавленные...» [19, 1]. Я.Сумишевская, вдова репрессированного выдвиженца В.И. Сумишевского, вспоминала: «В 1938 году,

когда их перевозили с одной тюрьмы в другую тюрьму, я получила письмо, которое он, муж мой, выбросил из вагона... и нашелся добрый человек, который выполнил его просьбу» [22, 1-2]. Вдова Ильчикеса Г.С. вывезла детей к родственникам в г. Одессу, а сама носила передачи, получая взамен чистого белья окровавленное [11, 12]. Б.С. Ильчикес была арестована в сентябре 1937 г. и осуждена на 8 лет за недонесение на мужа. По той же причине была исключена из партии жена Ф.Г. Кырлига – А.Д. Кырлиг. Ее обвинили в том, что она не раскрыла отношений супруга с врагами народа Престеско и Осадчим, не отказалась от мужа и разделила его судьбу. Заведующий кафедрой истории Тираспольского пединститута И.Е. Борисюк был исключен из партии за то, что сознательно «затягивал» расследование при разборе персональных дел врагов народа, причем он решительно игнорировал доносы [26, 92].

В одной камере оказались жёны Е.П. Вороновича и Г.И. Старого, также осужденные за родственные связи. Е.С. Алмазова (бывший ректор Комвуза), отбыв в лагерях Коми АССР свой срок, вернулась, но поселилась в г. Кишиневе. Она оставила машинописные воспоминания, которые посвятила только годам революции и гражданской войны, когда она встретила Г.И. Старого. Неизвестно почему, сознательно или по иной причине, мемуары обрывались, но в них можно прочесть: «...У Революции своя логика, свои законы... Даже физически уничтоженные врагом далеко не всегда перестают быть опасными для тех, кто уничтожает...» [23, 77а].

Судьбу супруга М.В. Альхимовича разделила и Г.С. Виравская, которая поддерживала его и в лагере. Их записки и письма в 1980 г. прочел советский русский писатель Ф.А. Абрамов. В Тираспольском государственном объединенном музее хранится его письмо, в котором есть строки: «нельзя читать спокойно. Еще и еще раз встает перед глазами эпоха во всем ее бытовом, повседневном кошмаре... ибо везде и повсюду – и за проволокой, и на «воле», были попорчены самые элементарные человеческие права. А какие были люди! С каким удивительным человеческим материалом мы выходили на строительство нового мира! ...я сейчас снова и снова задаюсь вопросом: за что? За что искалечили и сломали Вашу жизнь, зачем Вам-то надо было всю жизнь дрожать, жить в четверть себя?» [24, 1].

Прямым указанием на свертывание террора стало *Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия* от 17 ноября 1938 г. В нем о «большой работе» органов НКВД по разгрому врагов народа было отмечено: «Очистка страны от диверсионных повстанческих и шпионских кадров сыграла свою положительную роль в деле обеспечения дальнейших успехов социалистического строительства. Однако не следует думать, что на этом дело очистки СССР от шпионов, вредителей, террористов и диверсантов окончено...». И далее – «...массовые операции по разгрому и выкорчевыванию вражеских элементов, проведенные органами НКВД в 1937-1938 гг., при упрощенном ведении следствия и суда – не могли не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД и Прокуратуры...». *Постановлением* были запрещены массовые операции, ликвидированы «тройки», аресты не должны были проводиться без санкции прокурора или суда [29, с.426]. По рекомендации «сверху» на местах стали проводиться партийные собрания и совещания по *Постановлению*. Во многих случаях это были достаточно откровенные выступления с осуждением методов и ошибок коллег по работе, руководства управлений. Это делалось без особого риска, так как все, кого подвергали жесткой критике, были уже сняты с должностей и арестованы.

23 ноября 1938 г. состоялось совещание оперативных работников НКВД МАССР, на котором выступил и следователь Маглеванный: «Проводя большую работу по очистке Молдавии от шпионских, петлюровских, повстанческих элементов, нашим аппаратом были допущены искривления, перегибы, которым во многом способствовал упрощенческий способ ведения следствия.

Мне кажется, что наиболее мы наломали дров после того, как во второй операции начали арестовывать по показаниям осужденных. Эти показания в упрощенном ведении следствия не проверялись и ясно, что по этим показаниям были арестованы и невинные люди...». Кроме всего, на совещании говорилось откровенно о существовании «штатных свидетелей», «которые давали показания на всех без исключения арестованных, фамилии которых называл работник УГБ или милиции» [29, 429-431].

В МАССР, согласно последним открытым архивным материалам и подсчетам Г.Негру и М.Ташкэ, в ходе исполнения оперативных приказов № 00447 и 00485 было арестовано 6 947 человек: 4 886 (70,3%) были приговорены к расстрелу, 2 004 (28,9%) отправлены в лагеря. На пересмотр были отправлены дела 57 человек (0,8%) [1, 442].

Наиболее засоренным «антисоветским мусором» был признан Тираспольский район, абсолютное же большинство этого «мусора» составили служащие, учителя и студенты. «Врагов народа», занимавших руководящие посты в 1937 г., выявлено 9, в органах Наркомзема – 4, в Молдавском Госиздате – 3, в Наркомпросе – 6, Радиокomitee и редакциях областных газет – 8 человек [12, 97]. Так мучительно создаваемые кадры, чрезвычайно необходимые для республики, безжалостно выкашивались вместе с наставниками, невзирая на заслуги и происхождение. Учебные заведения лишались специалистов высокого уровня, ученых и преподавателей высшей школы, таких как Г.И. Пысларь, А.С. Патрашко, А.Бынар, А.П. Дымбул, Л.А. Мадан, М.Тарантаев и других. Только в истории Тираспольского института целая череда репрессированных руководителей – А.Я. Бихман (директор с 1930 по 1932 г.), М.Я. Холостенко (директор в 1934 г.), А.Х. Похинин (директор с 1935 по 1937 г.), Д.Г. Престеско. Впрочем, косвенно эта потеря видна по некоторым данным, попавшим на страницы республиканских газет. Так, в 1940 г. директор Молдплодовощного института имени Котовского в статье «IV выпуск» сообщал, что «...в 1937 г. институт выпустил 36 агрономов, в 1938 – 25, в 1939 – 48. В этом [1940] году – 63...» [17].

После «чистки» «к власти в МАССР пришли самобытники, но уже не бессарабского происхождения... многие получили образование в советских школах и вузах, что весьма ценилось в то время» [9, с.54].

К 1940 г. в республике работало более 43000 учителей, около 1000 врачей и средних медицинских работников, 700 специалистов народного хозяйства. Количество молдавских школ увеличилось с 11 до 126, действовало 505 общеобразовательных школ. МАССР с населением в 600 тысяч человек стала республикой сплошной грамотности (95% населения были грамотны, 2% неграмотными, остальные малограмотными) [25, с.159]. Нельзя отрицать фактов достижений, которых было достаточно, но сколько можно было еще сделать, если бы не был нанесен такой сокрушительный удар по интеллектуальным силам страны.

В дальнейшем система привычно жертвовала теми, кто уже истрачивал лимит веры. Подрастало поколение, которое не знало другой жизни, обучалось истории, которую редактировала власть. Воспитанное на мифических идеалах, оно должно было вынести на своих плечах, не колеблясь, все тяготы будущих испытаний и прежде всего – войну. Как и для всех тоталитарных систем в принципе, в этом послушном поколении и была заложена основа будущего распада. Это поколение, вернувшись с войны, станет настолько опасно, что спровоцирует следующую волну террора. Оно осознало реальную ответственность за каждый шаг, который на войне мог стоить жизни, по-другому воспринимало старые лозунги.

С первых дней прихода большевиков к власти террор стал основным методом её воздействия на общество. Существовал не только вертикальный (государственный), но и горизонтальный «террор» – втягивание членов общества в процесс разоблачений, намеренное связывание кровью. Центральная идея социальной политики тоталитарного режима – создание «нового общества» и «нового человека», новой «советской» (массовой) ментальности. С помощью террора тоталитарная система предъявляет массовому обществу образ врага, опираясь на самые различные идеологические обоснования (теорию обострения классово-борьбы, происки иностранных разведок и пр.). Под эту категорию (потенциально) попадали все, кто обладал способностью к независимым суждениям, кем было бы сложно манипулировать, а интеллигенция – в первую очередь. Лояльность к системе или активная ее поддержка, членство в партии на определенном этапе не гарантировали ничего для советского человека, а произвольный характер репрессий приводил к исключению из привычной жизни без учета заслуг, убеждений, образа жизни. Страх оказаться за бортом, подвергнуть опасности близких людей вел к слому и приспособленчеству. Каждый поступок и высказанная мысль должны были пройти в сознании человека идентификацию с существующими в системе установками. Однако даже в этой ситуации находились те, кто мог подняться над собственным страхом ради других. Эту черту интеллигенции тоталитаризму не удалось вытравить до конца.

Литература:

1. NEGRU, G., TAȘCĂ, M. Represiunile politice din RASSM în anii 1937-1938 ("operațiunea culăcească" și "operațiunea română"). În: *Fără termen de rescriptive. Aspecte ale investigării crimelor comunismului în Europa!* Coordonat de S.Musteață, I.Cașu. Chișinău: Cartier, 2011, p.429-455.

2. Из резолюции V Пленума ГК КП(б)У. 17-18 сентября 1937. În: *Politica de moldovenizare în R.A.S.S. Moldovenească: culeg. de doc. și material./ Alcăt. și st.: Argentina Gribincea, Mihai Gribincea, Ion Șișcanu. Chișinău: Civitas, 2004.*
3. VARTA, I., VARTA, T., ȘAROV, I. *Asasinările în masă din RASSM în perioada Marii Terori. Vol.I. 1937-1938.* Chișinău: Cartdidact, 2010.
4. Архив общественно-политических организаций Республики Молдова. Фонд 49, опись 1, дело 3610, лист 80-90.
5. АОПОРМ. Фонд 49, опись 1, дело 205, листы 1-5.
6. АСТВАЦАТУРОВ, Г.О. *Очерки истории села Парканы.* В 2-х ч. Часть вторая. Кишинев: Типарул, 1996. 184 с.
7. БЕЛЕНЬКИЙ, Б. Стихи, которых мы не прочитали. В: *Политика*, 1991, № 1-2, с.75-76.
8. *Заключение ст. оперуполномоченного УКГБ при СМ МССР по гор. Тирасполю капитана Власова.* 6 октября 1956 г. Архив Ассоциации жертв политических репрессий г. Тирасполя. Ксерокопия. 8 л.
9. ГАЛУЩЕНКО, О.С. Борьба между румынизаторами и самобытниками в Молдавской АССР (30-е годы). В: *Ежегодный исторический альманах Приднестровья*, 2003, № 7, с.46-55.
10. ЖИРОМСКАЯ, В.Б., КИСЕЛЕВ, И.Н., ПОЛЯКОВ, Ю.А. *Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года.* Москва: Наука, 1996.
11. ИЛЬЧИКЕС, Б.И. Влітку 1937 рока. В: *Ленінська змина.* Харьков, 12 вересня 1989 р.
12. ИЧЕНКО, В.В. Приговор к забвению отменить. Политические репрессии 30-х годов в МАССР. В: *Ежегодный исторический альманах Приднестровья*, 2003, № 7, с.97-100.
13. МОВИЛЯНУ, Н. Политический смерч. В: *Восстанавливая правду истории.* Сб. статей. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1989, с.44-66.
14. Оперативный приказ НКВД СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» 30.07.1937. <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1009099> (посещен 11.05.2013)
15. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о продлении репрессий среди населения по признаку национальной принадлежности. 31.01.1938 г. <http://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/61278> (посещен 11.05.2013)
16. СИНЯК, Л.И. Ун адевэр амар, ун адевэр ынтырзят. В: *Ежегодный исторический альманах Приднестровья*, 2003, № 7, с.101-102.
17. *Соціалістична Молдавія*, 16.07.1940.
18. СТАЛИН, И.В. Доклад на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б). 3 марта 1937 г. <http://istmat.info/node/29839> (посещен 20.04.2013)
19. Тираспольский государственный объединенный музей (ТГОМ). *Воспоминания Власовой Р.В., дочери Хрипливого В.И.* Основной фонд, № 16776, 2 л.
20. Тираспольский государственный объединенный музей (ТГОМ). *Воспоминания о Б.Д. Христодуло-Финити, репрессированного в декабре 1937 г.* Основной фонд, № 17402, 4 л.
21. Тираспольский государственный объединенный музей (ТГОМ). *Манзул Е.Б. Декабрь, 1937 год.* Основной фонд, № 17404, 2 л.
22. Тираспольский государственный объединенный музей (ТГОМ). *Воспоминания о муже Ядвиги Сумишевской.* 15.09.1989. Основной фонд, № 19873, 2 л.
23. Тираспольский государственный объединенный музей (ТГОМ). *Алмазова Е.С. Факты, события, встречи.* Научно-вспомогательный фонд, № 9465, 78 л.
24. Тираспольский государственный объединенный музей (ТГОМ). *Письмо Ф.А. Абрамова вдове Альхимовича М.В. 2.02.1980 г.* Копия. ТГОМ, Научно-вспомогательный фонд, № 7218, 2 л.
25. ФЕДОРОВ, Г.И. Народное образование в Приднестровье (1924-1940). В: *Приднестровская государственность: история и современность.* Тирасполь, Изд. ПГУ, 2005.
26. ФЛОКА, Е. В те тридцатые годы (о коммунистах республиканской парторганизации – жертвах сталинских репрессий). В: *Коммунист Молдавии*, 1990, № 3, с.87-93.
27. ЦАРАН, Т. Судьбы священников и церковных активистов в Молдавской АССР. В: *Русин* (международный исторический журнал), 2008, № 1-2 (11-12), с.199-205.
28. «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937-1941 гг. В 2 т.: Т.1: 1937 г. Подготовка приказа № 00447, первый этап «кулацкой операции»/ Сост. М.Юнге, С.А. Кокин, Р.Биннер и др. Москва, РОССПЭН, 2010.
29. «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937-1941 гг. В 2 т.: Т.2: 1938-1941 гг. Второй этап репрессий. Завершение Большого террора и восстановление «социалистической законности»/ Сост. М.Юнге, С.А. Кокин, Р.Биннер и др. Москва, РОССПЭН, 2010.
30. ЮНГЕ, М., БОРДЮГОВ, Г., БИННЕР, Р. *Вертикаль большого террора.* Москва: АИРО-XX, 2008.

Список аббревиатур

СССР – Союз Советских Социалистических Республик.

ЦИК СССР – Центральный Исполнительный Комитет СССР.

СНК (Совнарком) – Совет Народных Комиссаров.

ЦИК – Центральный Исполнительный Комитет.

АМССР – Автономная Молдавская Советская Социалистическая Республика.

МАССР – Молдавская Автономная Советская Социалистическая Республика.

МОЛДОБКМ КП(б)У – Молдавский областной комитет Коммунистической партии (большевиков) Украины.

ЦК ВКП(б) – Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).

НАРКОМЛЕС – Народный Комиссариат лесного хозяйства.

НАРКОМПРОС – Народный Комиссариат просвещения.

НАРКОМЗЕМ – Народный Комиссариат земледелия.

КомВУЗ – Коммунистическое высшее учебное заведение.

Заготзерно – Комитет по заготовкам сельскохозяйственной продукции.

Укрсадовинтрест – Украинский садово-виноградный трест.

НКВД – Народный Комиссариат Внутренних Дел.

ГУЛАГ – Главное управление исправительно-трудовых лагерей.

ВМН – высшая мера наказания.

Prezentat la 15.04.2015